

Последователь Бенвенуто Челлини

Сейчас в Филадельфии, у Ф. Ж. Купера, можно видеть замечательную выставку — двадцать четыре скульптуры мастера по художественной отливке металлов нашего соотечественника Семена Львовича Явича.

Это — первая выставка бесспорно крупного художника, который начинает свою карьеру в... 70 лет.

Многое необыкновенно в биографии С. Л. Явича. Родился он в Вильно и с детства мечтал стать ботаником и скульптором. Скульптуре учился у сына Антокольского. Но человеческая жизнь складывается не всегда в соответствии с детскими мечтаниями. Судьба привела С. Л. Явича в Палестину задолго до основания государства Израиль. В Палестине в эти годы было не до скульптуры и искусства. Надо было возвращать к жизни опустошенную веками и заброшенную землю. Под влиянием «собирателя земли Израильской» Ханкина, С. Л. Явич начал приобретать истощенные, безводные, занесенные песчаными дюнами большие участки земли. В последующие двадцать лет участки эти, по его указаниям, были превращены в сады, сельскохозяйственные колонии и города.

Из своих поездок в пустыню С. Л. Явич часто возвращался домой с засохшими растениями, с небольшими кактусами причудливой формы, каким-то загадочным образом выживавшими в безводных песках Негева.

— Как бы сохранить этот кактус навеки? — думал он. — Воспроизвести его в золоте или серебре, но так, чтобы кактус казался живым, настоящим.

Секрет отливки металлов известен человечеству с незапамятных времен. Его знали уже люди бронзового периода. Но в эпоху Ренессанса мастерство литейщиков было доведено до высших пределов. Мастера Италии отливали во Флоренции, в Пизе и в Сиене удивительные произведения искусства. В своих, к несчастью оставшихся незаконченными мемуарах, великий скульптор и ювелир Бенвенуто Челлини рассказывает, как шестнадцатилетним юношей он пришел пешком в Пизу и остановился у Рыбного Моста, где были мастерские городских ювелиров. Один из них, Уливери делла Киостра, предложил юноше остаться у него — учиться ремеслу. Несколько лет спустя Бенвенуто Челлини считался уже в Италии непревзойденным мастером. Ему давали заказы папы, кардиналы, богатейшие римляне и флорентийцы.

Челлини изготовлял свои модели из воска. Затем он заливал модель гипсом и ставил в печь. В процессе обжигания воск сгорал, но внутри окаменевшего гипса оставалась безукоризненно точная форма модели. После чего следовало только залить форму расплавленным золотом, серебром или бронзой. Так рождались все шедевры Челлини.

Никакого секрета тут нет: ювелиры и скульпторы на всем свете до сих пор пользуются теми же методами отливки своих произведений. Вся беда заключается в том, что в наше время производство стало индустриальным, массовым. Больше нет мастеров, готовых потратить месяцы и годы своей жизни, чтобы создать одно неповторимое произведение искусства.

Временами, чтобы уйти от напряженной действительности и повседневных забот, С. Л. Явич запирался в своей мастерской и создавал модели причудливых растений в воске и в металле.

Самый обыкновенный живой

цветок также сложен, как человеческий организм. Как воспроизвести этот цветок так, чтобы передать каждую его жилку, тонкую нежность лепестка, всю легкость и особую красоту растения?

На изучение ботаники и секретов средневековых мастеров ушли долгие годы.

В 1946 году С. Л. Явич решил, что больше он не будет заниматься делами и всецело посвятит себя литейному ремеслу. Окончательно изучить его можно было только в С. Штатах, где существует школа точнейшей отливки металлов. Солидный бизнесмен ликвидировал свою контору в Тель Авиве и прилетел в Нью Йорк, чтобы стать учеником этой школы.

— Через год, думал он, я изучу в Америке все тонкости этого ремесла, вернусь в Палестину и открою собственную школу для художников-литейщиков.

Школу он окончил через полтора года. Ученик превзошел своих учителей. В чисто механические производственные методы этого мастерства С. Л. Явич внес утонченный художественный вкус, богатое воображение и отличное понимание природы. Так ремесло превратилось в искусство.

Вернуться в Палестину ему не удалось. Случился сердечный припадок. Через шесть месяцев, когда опасность миновала, врачи сказали: «Вы будете жить, но в течение ближайших пяти лет Вам нельзя путешествовать, в особенности — на самолетах».

Скульптор остался в Нью Йорке. На свое искусство он никогда не смотрел, как на источник дохода. Ему и в голову не приходило, что вещи, которые он создавал в своей студии, могли бы стать украшением любого музея.

О том, что С. Л. Явич владеет секретом замечательного мастерства мало кто знал, а на работу в студии его друзья смотрели снисходительно, как на причуду человека, который не знает, что делать со своими досугами.

Шесть лет назад, как когда-то в Палестине, С. Л. Явич точно решил навсегда покончить с делами. С этого дня он все свое время и все свои силы посвятил терпеливому труду в лаборатории современного алхимика.

Лаборатория его напоминает не мастерскую скульптора или литейщика, а сверкающий белизгой и чистотой кабинет хирурга. На стенах в безукоризненном и несколько загадочном порядке развешены самые разнообразные инструменты. На верстаке — ни соринки. Изгибает над столом свою никелированную лапу некое подобие бор-машинны зубного врача. Аккуратно разложены пинцеты, щипчики, сверла, напильники, долота.

И в окнах — горшки с живыми цветами, которым суждено, быть может, бессмертие под тонким золотым покровом.

В соседней комнате на столах расставлены экспонаты, приготовленные к филадельфийской выставке.

Вот букетик из пяти астр, отлитых из золота в 18 каратов. Цветы укреплены на куске окаменевшего и отполированного дерева необычайной красоты. А рядом — символическая группа «Неопалимая купина» — кустик колючего терновника и под ним другое странное растение пустыни с красными ягодами, названная которого я не знаю, но ягоды эти пылают, как яркое пламя.

Над сравнительно небольшой вещью — точной копией японского карликового дерева С. Л. Явич работал целый год. В деревце этом около восьми тысяч золотых игл, и вся вещь была отлита в 20

ту Бенвенуто Челлини.

Нет, это не то! Никогда из моего описания читатель не получит даже отдаленного представления о художественном совершенстве этих корзиночек с золотыми цветами и травами, этих удивительных ваз с японской арранжировкой экзотических растений, или о трогательной серебряной елочке на обледенелой скале (горный хрусталь), созданной на тему Лермонтова: «На севере диком стоит одиноко...». Каждая вещь — законченное произведение искусства, потребовавшее громадного, терпеливого труда, сотни часов уединенной лабораторной работы.

Выставленная сейчас в Филадельфии коллекция работ С. Л. Явича оценивается специалистами в десятки тысяч долларов. Но, по существу, коммерческой цены эти вещи не имеют, так как никакие деньги не могут оплатить творческий и высокий труд мастера.

Это превращение «бизнесмена» в скульптора и мастера-литейщика так необычно в наши дни, что я хотел рассказать об удивительном человеке, который по справедливости, должен был бы жить не на Бродвее, а в Пизе, в начале 16 века, у Моста Рыболовов.

Андрей Седых